

Петр Николаевич Конев.
Родился в 1932 г. Горный инженер-геолог.
В СГАО «Висмут» работал в 1955-1957 гг.

«Кто хочет, тот добьётся.»
(Из песни И.О. Дунаевского «Весёлый ветер»)

Первым ярким воспоминанием моего детства (4 года) была плоская гора, покрытая снегом, старший брат на лыжах. Я стою сзади на его лыжах, вцепившись в его штаны и ничего не боюсь.

Потом провал в памяти, и новый сохранившийся в памяти эпизод (5 лет). Унылое осеннее поле, на нём небольшая избушка в которой живёт вся наша семья (два брата, сестра, тятя с мамой и собака Венера). Я плачу, прошусь домой. Потом помню, что мне было жить в этой избушке очень скучно. Братья и сестра в школе, отец на работе, мама всё время занята (корова, курицы, домашние дела и т.д.). А вокруг нет ни одной живой души. Избушка в поле и всё.

Хорошо было в выходные дни. Тятя с мамой готовили что-нибудь вкусное, братья и сестра помогали по хозяйству, готовили уроки и по своему развлекались. Как-то старший брат Александр (1924 г. рождения) решил почитать мне стихи из букваря (1-3 класс):

*"Почему шагает в школу нынче много так ребят?
Потому, что все ребята жить по новому хотят.
Ваня будет трактористом,
Петя будет машинистом,
а Серёжа пионер будет верный инженер."*

Не знаю, что на меня нашло, но я пустился в рёв: "Не хочу быть машинистом, хочу быть верным инженером!" Брат резонно заметил, что будешь на отлично учиться, станешь инженером, а он за этим проследит. Я сказал, что буду всегда отличником, чем обрёк себя, помимо нормальной учёбы, на постоянную зубрёжку в течении 10 лет. Трудно успевать по всем предметам всегда, обладая далеко не выдающимися способностями. Но "слово" было сказано, и я старался.

Когда мне исполнилось семь лет, наша семья из избушки переехала в посёлок Никаноровку.

Посёлок Никаноровка -- это одиннадцать бараков, небольшой продуктовый магазин, дачный дом исчезнувшего помещика Никанорова, каскад из трёх прудов, сосновая роща, две горки для катания на лыжах и пикников на

природе. Расположен на юго-западной окраине г. Свердловска. А далее на запад и юг -- колхозные и совхозные земли, нетронутые леса с реками и их обитателями.

Нам дали комнату №15 в пятом бараке, где было 52 комнаты и, соответственно, 52 семьи. Я был в диком восторге. Большое количество сверстников, хорошие и плохие развлечения (лапта, футбол, ножички, драки и, конечно, мат). Но в последнем был сурово остановлен братом Семёном (1926 г. рождения). Он отвечал перед родителями за моё поведение, обучение и привлечение к труду (так было принято во многих крестьянских семьях: старший несёт ответственность за следующего за ним младшего).

В школу поступил в 1940 году и первый класс закончил с похвальной грамотой.

По каким-то причинам свердловский мясокомбинат 22 июня организовал в пос. Никаноровка на горках праздничное мероприятие. И как только пришло известие о нападении Германии на СССР, директор завода поднялся на большую горку и объявил, как положено, о скорой нашей победе на чужой территории.

Отца (1896 г. рождения) и старшего брата призвали на фронт в начале 1942 г., тогда же мобилизовали на химический завод (РТИ) и мать (1893 г. рождения). Среднему брату Семёну и мне пришлось принять все заботы по семейным делам: уход за коровой, сенокос, выращивание картошки и овощей (свёкла, морковь, капуста, турнепс и т.д.) для коровы и для себя, заготовка в лесу дров на зимний сезон (12 кубометров), сбор грибов, ягод (брусника, черника, черёмуха, шиповник).

Но несмотря на учёбу и занятость я всё же находил время зимой кататься на лыжах, а летом уходил в лес (причём босиком), где не хуже Робинзона Крузо обеспечивал себе полное пропитание (полезные растения, и - не всегда - мелкая рыба, раки, птичьи яйца), проявляя при этом недюжинное изобретательство. Например, в позднюю осень, когда "лес обнажился, поля опустели" (Н. Некрасов), когда октябрюта и пионеры уже собрали последние колоски, я брал с собой дворовую собаку и отправлялся на земли с убранной пшеницей. Находил мышинные норы, собаке говорил "Тут-тут". Она норы разрывала, мышей съедала, а отборное зерно, собранное мышами на зиму, я забирал (иногда за поход я собирал до 2-х кг зерна) и отдавал маме. Иначе говоря, приобретал опыт к выживанию в экстремальных условиях.

Когда мне удалось посмотреть фильм про поиски алмазов на Западном склоне Среднего Урала отозванным с фронта геологом, то мною в 7 классе было принято решение стать не просто инженером, а инженером-геологом. И тогда же я принял решение начать собирать коллекцию минералов, после окончания института попасть на поиски и разведку алмазов, как-нибудь исхитриться поработать в тропической стране, жениться на блондинке, создать для старенькой матери и отца инвалида ВОВ хорошие жилищные условия для спокойной жизни и возможности помогать братьям и сестрам в воспитании внуков.

Итак, в 1950 году, имея неплохой аттестат зрелости, удостоверение инструктора-общественника по лыжному спорту (первый разряд по лыжам), я поступил в Свердловский горный институт им. В. В. Вахрушева на геологоразведочный факультет и окончил его в 1955 году.

Пришло время реализовать намеченные планы, постараться, чтобы распределили на Северный Урал или в Якутию, где велись поиски алмазов. Но...!

Родина в опасности! Американцы потрясают атомной бомбой. Нужен уран, и в большом количестве.

Семнадцати новоиспеченным горным инженерам Свердловского горного института, в том числе и мне, было предложено поехать в Восточную Германию на поиски, разведку и добычу урана. Мы согласились, хотя знали, что такое радиация (Челябинск-40; исчезнувшее с лица земли село Юго-Конево, где я родился и т.д.), так как были воспитаны патриотами и следовали девизу "если не я, то кто?!"

В конце июля 1955 года мы всей группой приехали в Москву в Министерство геологии СССР.

Встретили нас замечательно! Устроили в шикарную гостиницу, выдали огромные подъемные (около 4 тысяч рублей) и дали время на покупку приличной одежды, ознакомление с г. Москвой и её ресторанами. Я, например, купил себе костюм с шириной брюк (внизу) 36 см, новые часы, и два раза сходил в ресторан "Метрополь". Оставшуюся большую часть денег отправил родителям, а имевшиеся часы марки "Победа" отправил старшему брату (он мне эти часы и подарил).

31 июля 1955 года нас "погрузили" в поезд "Москва - Франкфурт-на-Майне". Никаких приключений с нами по дороге не произошло. Запомнились лишь контрасты сельхозполей: скудные в России, Белоруссии и удивительно обильные в Восточной Германии.

Прибыли во Франкфурт-на-Майне рано утром, в унылый, огромный и практически пустой вокзал; вся мужская часть с похмелья. Встречающий осмотрел нас, всё понял, разместил в автобус, и через несколько км пути мы остановились у закусочной. Он радушно угостил нас немецким пильзнерским пивом, сосисками -- и тем самым поднял настроение до хорошего уровня.

К вечеру прибыли в город Зигмар, расположенный рядом с городом Карл-Маркс-Штадт. Встретили нас ещё лучше, чем на вокзале. Поселили в отдельных комнатах. Потом предложили искупаться в бассейне, обеспечив плавками, которых у нас в багаже не было.

На следующий день с нами провели строгий инструктаж о правилах поведения за границей на работе и в быту. Сообщили, что нас будут контролировать сотрудники отдела охраны и режима. Наказание одно: высылка на Родину в 24 часа. Что, в целом, и не так уж плохо.

Затем состоялось распределение, и я, в составе группы из четырёх человек, оказался в г. Гера (Тюрингия), где находилось управление рядом объектов СГАО "Висмут" и жильё для сотрудников.

Меня, Герасимова Геннадия Ивановича, Синицына Юрия Константиновича поселили в пятиэтажный дом, расположенный на ул. Галгенберг (гора висельников). Квартира оказалась четырёхкомнатная. Четвёртым соседом

оказался Виктор Сергеевич Романов.

Приведу краткую характеристику жильцов, с которыми предстояло сосуществовать, делить радости и горести.

Конев Пётр Николаевич. Горный инженер-геолог. Свердловчанин. Среднего роста, спортсмен (1-ый разряд по лыжам). Способности средние, но весьма упорный. Распределён на шахту 356, объект 90 (Шмирхау).

Герасимов Геннадий Иванович. Горный инженер-геолог. Жил до поступления в СГИ в г. Североуральске, из малообеспеченной семьи, очень способный. Часто в безденежье жил в моей семье. Распределён был на шахту в Лихтенберге, объект 90.

Синицын Юрий Константинович. Горный инженер-геолог. Из города Калинина, высокий (1,8 м), спортсмен (по плаванию 1-ый разряд). Очень музыкальный. Репертуар: народные песни и арии из опер. Добродушный, мы его звали "Брат Си". Распределён на карьер (объект 129).

Романов Виктор Сергеевич. Горный инженер. Из города Старый Оскол. Красавец мужчина. Рослый, мощный блондин с русыми кудрями. С юмором. Спортсмен -- мастер спорта по самбо. Уже начал работу на шахте 356, объект 90 (Шмирхау).

Прежде, чем приступить к работе ещё раз, уже в одиночестве, прошёл инструктаж в отделе охраны и режима. После чего меня передали в руки старшего инженера-геолога шахты №356 *Дзюбы Сергея Михайловича*. Он в течение более трёх месяцев интенсивно готовил меня к своей замене, то есть к обязанностям шахтного геолога и соблюдению техники безопасности при работах в подземных выработках.

Оказалось, что мои обязанности довольно простые: бороздовое опробование пород на содержание урана при проходке горных выработок.

Одновременно осваивался с четкой организацией труда, отдыха и культурно-воспитательной работой с советскими специалистами, а также с членами их семей.

На работу выезжали в 6 часов утра и сразу, после короткой разрядки, спускались в шахту. Поднимались из шахты в 14-00, смывали в душе радиоактивную пыль и ехали домой (в г. Геру). Там нас ожидала столовая, где готовили отличные блюда, спортивная площадка и последующий отдых. Еженедельно проходили собрания с обсуждением хода работ, различные мероприятия (вечера дружбы, экскурсии, спортивные соревнования, участие в хоре). Мне же посоветовали поступить в Вечерний Университет Марксизма-Ленинизма при парткоме (полевая почта 27304). Занятия были платные, проходили два раза в неделю в г. Карл-Маркс-штадте. Учёба началась в сентябре 1955 года и завершилась в сентябре 1957 г. По всем изучаемым дисциплинам я получил отличные оценки, что и отражено в свидетельстве №521, которым очень горжусь!

К октябрю 1955 г. мой наставник Сергей Дзюба полностью ввёл меня в курс моих обязанностей, познакомил со всем коллективом советских и немецких специалистов, а в шахте я начал чувствовать себя как в родной квартире.

Знакомясь с результатами анализов на содержание урана в отобранных пробах я обратил внимание на то, что среди большинства проб с низким промышленным содержанием урана, наблюдаются пробы, в которых содержание его больше в десятки, а, иногда, и в сотни раз. Я попросил у Сергея разъяснения, на что он ответил: "Не бери в голову, это скорее всего лабораторные ошибки".

Я, конечно, не стал возражать, но при первой возможности решил привязать "ураганные" пробы к месту взятия и выяснить, что там за геологическая ситуация.

При первой же проверке оказалось, что повышенные содержания урана в силурийских углисто-кремнистых сланцах и девонских карбонатных (известняки, доломиты) отложениях связаны с участками интенсивной трещиноватости, формировавшимися в течение сотен миллионов лет. В результате действия водных потоков, происходило постепенное перераспределение рассеянной урановой минерализации и образование жильной гидротермальной минерализации.

Напрашивались выводы:

1. При валовой добыче руды происходит её разубоживание.
2. Необходимо заменить валовую разработку руды на секционную-валовую.

Своими наблюдениями я поделился с горным инженером, старшим контроллером ОТК шахты Виктором Сергеевичем Романовым, с которым у меня сложились дружеские отношения. Решили совместно заняться проблемой повышения эффективности разработки.

Пока мы с Виктором Романовым занимались проблемами увеличения добычи урана, у меня возникла довольно неприятная напасть.

Начальник шахты на всех совещаниях подвергал меня жестокой критике за все реальные и воображаемые прегрешения. Создавалось впечатление, что я бываю у него на исповеди, где я докладываю ему все свои мысли, что ем, что пью и, вообще, чем дышу. А он соответственно реагирует.

Например, на одном из совещаний он возвестил (цитирую): "Мы не выполняем план по добыче урана, а товарищ Конев в свободное от работы время пьёт коньяк и запивает его пивом, не каким-нибудь, а чешским. Позор ему!"

Да, действительно, я пил коньяк в гостях у немецкого геолога Фальке, и в тот же вечер пил чешское пиво у другого геолога Тилле, причем с разрешения отдела по охране и режиму. Так что причем тут оказался невыполненный план по урану?

После нескольких месяцев измываний моё терпение лопнуло, я пришёл к нему в кабинет и сообщил, что я решил завести "неделовую" связь с немкой, а принудил меня к этому именно он. Как он смеялся, хлопал ладонями по ляжкам, и опять ржал. А потом сказал, что я дурачок и вполне приличный сотрудник. Что такой способ воспитания помогает дисциплинировать коллектив.

Потом начальник шахты со своим методом воспитания переключился на

очень интеллигентного и застенчивого ленинградского геолога Чингиса Соболева, довёл его до сердечного приступа и отъезда на Родину.

Моё бичевание закончилось, а Виктор Романов подготовил наше предложение по разработке залежей двумя способами к реализации, каковое и было доложено руководству объекта. Получили одобрение и шахта №356 (Шмирхау) стала постоянно выполнять план по добыче урана.

У меня после этого неожиданно начался карьерный рост: 1955 г. -- инженер-геолог шахты; 1956 г. -- инженер-геолог рудника; 1957 г. -- старший инженер-геолог геологического отдела рудоуправления.

В 1956 г. произошло на шахте печальное событие. Погиб Виктор Сергеевич Романов. Произошел прорыв пльвуна (вода, глина, песок в жидкостно-вязком состоянии) из 30-го горизонта в 60-й горизонт. Он накрыл Виктора в штреке, и он погиб мгновенно. Кремировали в г.Гера. Жене с ребёнком (только что приехала) оказали необходимую помощь и отправили в Москву.

Постигли неприятности и третьего члена нашего квартирного коллектива -- Юрия Константиновича Синицына (брат Си).

К празднованию годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции ему предложили в хоре спеть торжественную песню "Партия слушай родная голос своих сыновей...". Не знаю, чего он взбеленился, но дома при мне и Геннадии Герасимове высказался, что петь эту песню будет только в коллективе с начальником объекта.

Не знаю, как всё это дошло до начальника, на наш "брат Си" загремел в распоряжение Министерства Геологии СССР, затем на Дальний Восток. Там, при перебазировании геологической партии, он упал с машины, получил травму головы и сошёл с ума.

В 1960 г. Г.И. Герасимов, находясь проездом в г. Свердловске, навестил меня. В теплой беседе он вдруг сообщил, что был информатором и часть неприятностей нашего маленького коллектива лежит на его совести. Пришлось это сообщение принять и пережить. Что поделаешь -- человек слаб, правда, к счастью, не каждый!

Советские геологи в самое трудное послевоенное время нашли умение и силы открыть в Восточной Германии и соседней Чехословакии новые месторождения урана, обеспечив сырьевую базу предприятиям СГАО "Висмут". Горжусь, что я по мере сил и способностей в этом участвовал.

Открытие новых месторождений урана в Восточной Германии дало старт «золотому полувеку» Российской геологии.

Появилась плеяда блестящих геологов мирового уровня, обеспечивших условия для открытия каскада новых месторождений нефти, угля, алмазов, золота и т.д. и быстрого развития экономики страны.

Естественно, что в обстановке всеобщего геологического подъёма мои детские замыслы реализовались на 100%.

"Домик с окнами в сад" с маленьким огородиком и небольшим птичником я приобрёл родителям в 1958 году, сразу после возвращения из ГДР. Спасибо СГАО "Висмут": оно требовало работу, но и достойно платило.

Кроме того, ежемесячно я родителям переводил деньги и писал письмо маме, чтобы она в тоске, как мать Сергея Есенина, не выходила на дорогу "в старомодном ветхом шушуне".

Поработать на поисках алмазов мне удалось в Колво-Вишерском крае (1961-1970 гг). Здесь я доказал алмазоносность такатинской свиты девона, установил направление поисков первоисточников алмазов (кимберлитов), а затем защитил по этой теме кандидатскую диссертацию.

В 1969 г. женился на блондинке Гале и родился сын Вадим.

А с работой в тропиках решилось всё просто. Республике Куба потребовалась подготовка геологов-литологов, и помочь ей в этом МИНГЕО СССР поручило мне. Я учил их в два периода (1977-1980; 1985-1988 гг.), учил, что в горной породе нужно видеть не только её минеральный состав, содержащиеся в ней полезные компоненты, но и запечатленное время (географическую обстановку, среду осадконакопления, проявления вулканизма и т.д.)

Сбор коллекционных минералов и поделочных камней, начатый в 7-ом классе, продолжается с разной интенсивностью до настоящего времени под девизом: "Кто чувствует красоту мира, тот не раб!" Сборы

образцов в основном осуществлялись во время отпусков, в поездках с соратниками в автофургоне по разным регионам (Урал, Казахстан, Карелия, Якутия, Крым, Армения, Поволжье и т. д.). Возвращались запylённые, отощавшие, но одухотворённые интересными находками. При этом "заражали" страстью к коллекционированию коллег по работе, работодателей и другой любознательный люд. Многие студенты, будущие геологи изучали курсы минералогии и петрологии, работая с моей коллекцией у меня дома. Сейчас основная часть коллекции (около 2 тысяч образцов) передана в институт Нефти и Газа (Удмуртия).

Сейчас принято хулить Советское время, всё было плохо, неправильно! Но могу честно сказать, что к геологам в Советское время относились с большим уважением, слагали песни, снимали кино, писали интересные книги. Считали, и это справедливо, что "по героизму работа геологов идёт вслед за работой космонавтов"! (Слова эти принадлежат Е.А. Козловскому, министру Геологии СССР, сказаны на Кубе в 1958 г.).

9. XII. 2020 г.

П.Н. Конев